
ЭССЕ

А. А. БРУДНЫЙ

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Решающей силой является не участие в производстве, а использование его продуктов. Эта сила создает общество как аппарат смены поколений. Существенной его функцией является именно генеалогическая. В само существование общества встроен экран, заслоняющий действительный механизм власти. Метафора часов позволяет сравнить этот экран с циферблатом (публичная власть), а действительные силы власти – с часовым механизмом.

Общество всегда неоднородно и расслаивается в процессе своего существования. Возникают дистанции между богатыми и бедными, между этнорелигиозными общностями, локальная дистанция между регионами, гендерная дистанция между мужчинами и женщинами, различие (и расстояние!) между личными и социальными ролями мужчины и женщины.

Основной вопрос социальной философии прост: «Зачем?» И насколько вопрос прост, настолько сложны поиски ответа на него. Но эти поиски отнюдь не бесполезны.

Зададимся вопросом: «Зачем нация?» Если она существует, то у нее есть функция. Нация удерживает гражданское общество от распада, как исторически (в свое время) этнос удерживал от распада кланы, объединяющие части народа. Нация сокращает локальные дистанции.

Следующий вопрос: «А зачем государство?» Оно сокращает или удерживает в пределах дистанцию между богатыми и бедными, представителями разных этнорелигиозных групп и т. д.

Теперь спросим: «Зачем цивилизация?» (или: «В чем ее функция?»). Цивилизация есть система самосохранения общества, задающая известные формы удовлетворения неких потребностей. Но что это значит? Это значит, что в обществе постоянно действуют силы, способные его разрушить. Они связаны с удовлетворением

потребностей людей. И только цивилизованным путем эти силы можно смирить, потому что человек способен удовлетворять свои потребности, воздействуя на интересы и ущемляя возможности других людей.

Что же это за потребности? А это *человеческие* потребности, и базисная среди них – потребность мужчины в женщине и женщины в мужчине. Ее результат – дети. Не будь детей, не было бы и общества – аппарата смены поколений. Иными словами, оптимизация гендерной дистанции есть функция цивилизации, и роль семьи куда серьезнее, чем это принято было считать. В сущности, генеалогический аспект цивилизации скрыт и, как все скрытое, внезапно проявляется в форме едва ли не пародийной: Польшей правят братья-близнецы, а вполне возможное выдвижение (и победа на выборах) Хилари Клинтон вдруг обнаружит, что в Белом доме на протяжении четверти века сменяют друг друга две семьи. И общество получит еще один утвердительный ответ на вопрос В. Зоннабенда: «Этнологи показали, что в так называемых архаических обществах умели скрывать политические или социальные маневры под маской родственных отношений. Отсюда можно задать вопрос: не стремится ли наше общество скрыть под маской политики или экономики генеалогические мотивы?» (цит. по: Рулан 2000: 234).

Эти генеалогические мотивы лежат в самой основе существования общества как феномена коммуникации.

Если я правильно понял А. Бадью (Бадью 1999), искусство, наука, политика, любовь через посредство коммуникации трансформируются в культуру, технику, управление, сексуальность. Духовная сторона творчества, научное открытие, политический замысел и любовь зарождаются во внутреннем мире индивида, но культура, техника, управление, сексуальность властно требуют *Другого*, существуют вместе с ним и для него. *Другой* сужается до семьи (семья – концентрат общения) и расширяется до народа.

Исторический процесс находит выражение в существовании людей. Современная социальная психология придает большое значение тому, что существование человека происходит путем перемещения его в различных социальных пространствах: пространстве производства, пространстве управления, образовательном пространстве, пространстве рыночном, пространстве личном.

В каждом из социальных пространств человек становится в чем-то иным и чувствует себя «по-своему». В рыночном пространстве, где приобрести можно *все* (в чем и заключается его специфи-

ка), у человека возникает иллюзия, что приобрести можно и жизнь бесконечную. Покупали же в свое время индульгенции.

Такого рода иллюзии порождены не верой в Бога, а верой в силу денег. О влиянии денег на большинство из нас можно и не писать. Их влияние очевидно. Честный Андре Жид писал в 1936 году: «Общераспространенное заблуждение – будто народ состоит из лучших людей. Я думаю, что народ просто меньше испорчен, но деньги могут его испортить так же, как всех остальных» (Жид 1990: 536). Правда, есть и такая точка зрения, что людей портят не деньги, а торгующие. «Не товар кормит, а купец» – гласит русская пословица. Но не купец производит товары, он их только продает. А их надо *производить*.

Еще во времена К. Маркса в массовом сознании стал складываться стереотип, согласно которому все, что потребно человеку, может быть произведено, а следовательно, производство – становой хребет общества. Маркс перевел это представление на язык науки. В его учении производству придавалось значение исключительное. Он имел к тому все основания. Действительно, для человеческого существования необходимы материальные блага. В сущности, откуда бы они могли явиться без производства? И Маркс, опираясь на необходимость материальных благ, переходит к создающему их производству. Лишь с дальнейшим развитием общества стало ясно видно, что на человека влияют именно *плоды* производственного процесса, плоды, которых производство не приносило раньше.

Раньше речь шла о способе производства продуктов. *Теперь* речь идет о новых продуктах производства – от танков до телевизоров.

И естественно возникает вопрос: не продукты ли труда играют решающую роль в существовании человеческого рода?

Аналізу материальных благ ни Д. Рикардо, ни К. Маркс внимания не уделили. И не случайно: ведь тогда еще новым был способ производства, новыми были орудия производства, но никак не сами продукты производства. Еще ездили в каретах, самым сильным родом войск была конница, а о радио, телевидении, авиации и речи не было. Казалось, что производство уже известных (и необходимых) людям материальных благ, рост производительности труда решат все экономические проблемы – нужен только новый способ производства этих благ.

Новый мир, мир новых продуктов производства – от синтетики и пенициллина до штурмовой авиации и установок «Град» (кото-

рые особенно трудно отнести к числу материальных благ) – Маркс не видел. Уже не способ производства, а его продукты стали определяющим образом влиять на людей, их деятельность, образ мыслей. Этого Маркс знать не мог: ему казалось, что главное – количество необходимых товаров, их изобилие. А это только одна сторона дела, собственно экономическая.

А есть и другая, социально-психологическая. И не обязательно даже связанная с *новыми* продуктами производства в процессе использования. Они из *блага* становятся *силой*. Силой, преобразующей личность. Конь делает из человека всадника, кольт делает из него смельчака, телевизор делает из него глупца и т. д. Речь здесь фактически идет о том, что использование продукта делает с человеком нечто гораздо большее, чем участие в процессе его производства. Отсюда – желание приобрести продукт производства, отсюда – тот мир, в котором мы живем. *То, в чем люди нуждаются, – в общем, идентично; то, чего люди хотят, – в общем, индивидуально.* Конечно, то, в чем люди нуждаются (в питании, в одежде и крове над головой), лежит в основе их существования. Но в условиях рыночной экономики реализуется способность людей преобразовывать то, в чем они *нуждаются*, в то, что они *хотят*. Возможность выбрать товар – суть собственно рыночной экономики. Ее идеал – «за что платишь, то и получаешь; были бы деньги, и у тебя будет все».

Это идеал исполнения желаний. Деньги выступают как машина исполнения желаний, как возможность, которая способна немедленно конкретизироваться. Поэтому рыночная экономика обладает неотразимой привлекательностью. Реализация идеала социализма происходила в иной, грубо извращенной форме: «что получаешь, за то и платишь». Раздражает, когда нет того, что хочется. И за семьдесят лет к этому не привыкли. Не привыкли бы и за сто. Не отвечает это человеческой природе.

Рыночная экономика в высшей степени адекватна психологии личности, тонко соответствует ее интенциям, обещает компенсировать ее комплексы внефизиологическими, внепсихическими универсально мощными средствами. Все, что недоступно мне как индивиду, все, чего я лишился или лишен, будет дано и возвращено мне в пространстве рынка. Универсальной силе денежного знака подвластны страсть, память, напряженное внимание, забвение, смех. Девушка-лупа, раб-номенклатур, гладиаторы, мимы были доступ-

ны для приобретения еще в Древнем Риме. Что-то было далеко, а что-то рядом, кто-то был похож, а кто-то нет, одно встречалось редко, а другое – на любом рынке, и все это конденсировалось и находило четкое, измеримое выражение в цене. Все, что могло быть воспринято и могло обратиться в целостный объект желания, рынок превращал в делимую предметность, доступную подсчету, но благодаря подсчету и доступную субъекту желания.

Отсюда и возникло отношение к деньгам как к магически концентрированной силе. Ее можно получать, ее можно хранить, ее можно реализовать, то есть тратить и соответственно терять.

В сохраняемой (банк) и циркулирующей (денежное обращение) форме деньги приобретают значение соединительной ткани, скрепляющей, соединяющей человека и общество.

Человеческое общество – явление не столько сложное, сколько таинственное: человеку трудно изучать то, частью чего он является.

Для исторической науки весьма существенно, что в само существование общества как бы встроен экран, заслоняющий действительный механизм власти. Представьте себе часы: ведь циферблат, на фоне которого движутся стрелки, не только способствует тому, чтобы воспринимающий субъект узнал, который час. Циферблат выполняет еще и функцию экрана, заслоняющего часовой механизм от того, кто смотрит на часы. Если механизм будет просвечивать сквозь циферблат, тот перестанет выполнять свои функции, цифры и стрелки потеряются среди движущихся колесиков.

Недаром государственную власть традиционно именуют публичной властью, т. е. властью, доступной смысловому восприятию граждан. На самом деле депутат или премьер – не более чем стрелки на циферблате власти, движение стрелок определяется невидимым часовым механизмом. То, что существует честолюбие стрелок, т. е. честолюбие лиц, демонстрирующих свои властные полномочия, и честолюбие часового механизма, то есть тех, кто движет стрелками, обладает *действительной властью*, известно давно. И сейчас многие политики и ученые убеждены, что подлинная власть находится в руках капитала. «Капитал нанимает власть. Форма найма – выборы», – заявил как-то Б. Березовский, олигарх, пытавшийся совместить функции публичного политика с функциями реально властвующей фигуры. Всем известно, что из этого получилось: опальный олигарх оказался в эмиграции. Думается, это связано именно с тем принципом, который мы обсуждаем. Вы-

бор между публичной политической позицией (1) и реализацией финансовых возможностей в политических целях (2) неизбежен, государство именно так устроено, что совместить публичную власть и внутренний ее механизм чрезвычайно затруднительно. Даже во времена Наполеона, который использовал военно-политический механизм континентальной блокады в экономических интересах Франции, различие между властью капитала и властью императора все равно существовало. Стремительно богатеющие спекулянты только улыбались, когда при них императора называли «непобедимым».

Из сказанного не следует делать вывод, что подлинная власть есть власть капитала. Государство вообще не склонно к рефлексии над своим устройством. Общество пытается эту рефлексию осуществлять, но без большого успеха.

И здесь весьма важное место в сознании субъекта занимает его собственное участие в жизни общества, в его существовании. В философии XX века проблема субъекта играла возрастающую роль. Можно даже сказать, что постепенно произошла переориентация философской мысли с объекта на субъект. Для законной дочери философии – психологии – предметная роль субъекта как целостного образования также выросла. Слова А. Маслоу: «когда мистер Смит голоден, он голоден *весь*», – метафорически ярко выражают одну из ведущих идей радикальной психологии: субъект неразделен. Отсюда не следует, конечно, что его нельзя изучать под тем или иным углом зрения, что нельзя предметно выделять те или другие его свойства, процессы и т. п. Напротив, можно и нужно. Но при этом не следует изолировать конкретный предмет изучения от человека как целостного субъекта.

Человек как субъект познания – деятельное, родовое существо, наделенное не только потребностями (о которых написано немислимо много трудов), но и сущностными силами, которые изучены еще очень мало. Быть может, это обстоятельство объясняется тем, что существует некое внутреннее препятствие самоизучению, заложенное в самой природе человека. Это препятствие может лежать в архетипической основе познавательного процесса, оно может быть связано с сущностью человека как системы, но так или иначе оно существует. И это оно находит социальное выражение в экранировании – механизме управления обществом.

Экранирование существует в двух эффективных формах. Первая из них получает четкую формулировку в подписи на стене берлинского локаля:

Ешь,
Пей,
Хохочи,
О политике молчи.

В XXI веке этот слоган мог бы открывать большинство телевизионных программ. Есть и вторая форма – открытое существование «политического мира», образованного демократической конкуренцией политических интересов. Настоящий мир человеческих мыслей и чувств – иной. Вспомним слова В. Одоевского, который еще в позапрошлом веке утверждал: «Ничто столько не удаляет человека от внутренней таинственной, настоящей его жизни, ничто столько не делает его глухим и немым, как картина этих мелких страстишек, мелких преступлений, которая называется политическим миром» (Одоевский 1982: 131–132). В наступившем веке это звучит как нельзя более своевременно.

Литература

Бадью, А. 1999. *Апостол Павел: Обоснование универсализма*. М. – СПб.: Университетская книга.

Жид, А. 1990. *Возвращение из СССР. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики*. М.: Московский рабочий.

Одоевский, В. 1982. *Город без имени*. М.: Художественная литература.

Рулан, Н. 2000. *Юридическая антропология*. М.: Норма.